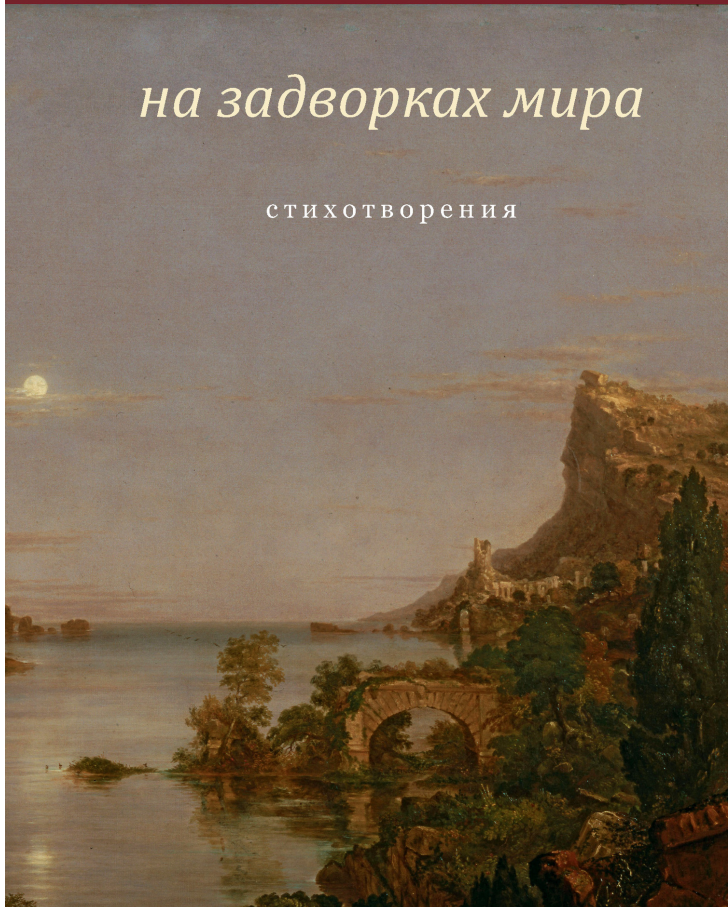

СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

на задворках мира

стихотворения

Сергей Александровский

На задворках мира

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60233066

С. Александровский. На задворках мира: Издательство «Водолей»;

Москва; 2019

ISBN 978-5-91763-463-0

Аннотация

Сергей Александровский давно входит в плеяду лучших русских переводчиков зарубежных поэтов-классиков, таких, как Чосер, Спенсер, Александр Монтгомери, Бёрнс, Китс, Хулиан дель Касаль, Фернандо Пессоа и многих иных. Среди многочисленных изданий и переизданий его книг – перевод поэмы Джона Мильтона «Возвращенный Рай», опубликованный Российской Академией Наук в серии «Литературные памятники» (2006 г.). Ныне читательскому вниманию предлагаются две оригинальные поэтические книги Александровского – «Факсимиле» и «На задворках мира».

Содержание

Факсимиле	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Александровский

На задворках мира

© С. Александровский, 2019

© О. Сетринд, оформление, 2019

© Издательство «Водолей», оформление, 2019

*** * ***

Факсимиле

Двенадцать

В белом венчике из роз...

Александр Блок

Уэллс, подарите машину времени!

...Злая пурга в петербургской темени.

– Эх, намело! Не пройти без лыж...

Жалит мороз, будто рой ос.

Во вьюгу двенадцать ведет Христос,

Белый венец на библейском темени,

Флаг на плече,

Что библейский крыж.

Грозно хрустит петербургский наст.

С нами Спаситель племен и каст!

Воеет ветер, терзает мглу.

И, сотрясая свечной уют,

В замершем городе

Выстрелы бьют.

И фарисеи дрожат в углу.

При куцем огарке,

Из мерзлых палат
Вниз
Обреченно
Глядит
Пилат.

Все ближе двенадцать
Лихих волков.
Все ближе двенадцать
Учеников.

Вот он, итог
Твоего греха
Через две тысячи
По Р. Х.!

Теплым обрубком
Горит свеча...
Было – двенадцать,
И два меча.

В час предпоследний
Иных годин
Предал – один,
И спасал – один.
Как защитить, если пробил час?

Отец не пронес,
Ученик не спас.

А нынче, в ночи ледяных мест,
Где и свинья-то свинью
Ест,
Он невозбранно пока
Грядет,
Смиренно разут,
И слегка одет.
Он невозбранно грядет
Пока,
Флаг, будто крест, вознеся в века.

А за спиною хрустит наст.
Это – двенадцать! Любой горазд
Все истребить
На версту вокруг:
После сочтемся,
Кто – враг,
Кто – друг.
Пусть фарисеи дрожат в углу!
Эти
Двенадцать
Несут во мглу
Лютый оскал

Ледяных штыков.

Ай да двенадцать учеников!

Я на морозной ночной дороге
Богу бросаюсь в босые ноги:

– Аз есмь вития поэмы Блока!

И шевельнулось Господне око.

– Там, где неволею чтят пророков,
Веку пророков не видно сроков.
В веке пророков ничтоже знача,
Я не пытаюсь давать уроков,
И обучаюсь искусству плача –
Век доживает моя Россия,
Ей нужен реквием, а не мессия.

Но нынче внемли моему кличу!
Я, дерзновенный, глаголю притчу:
Некогда, в гиблый голодный год,
Псы, разодравшие плоть господ,
После – терзали Господню плоть!

И обреченно молчит Господь.

– Знай, что в нетопленной мгле

Палат

Умер Пилат,

И воскрес – Пилат.

Что, преклонясь

У стального шкафа,

Ключ, наконец,

Подобрал

Кайафа!

Ко мне устремлен ледяной штык,

Словно насытый железный клык.

Это – ответ

Удалого племени.

Благодарю за машину времени...

Грозно рычит петербургский наст.

Жалит мороз, будто рой ос.

Тает во вьюге,

Раздет и бос,

Мудрый Спаситель

Племен и каст...

Кто

Из двенадцати

Не

Предаст?

21–23 января 1986

Сапсан

Лилии Александровской

Я застрелил его. А это

Грозит бедой...

Ив. Бунин

Седой сапсан слетел к воловьим ребрам

И задремал на остове вола.

Но ахнул гром ружейного ствола

И эхо простенало о недобром.

Убийство птицы – грозная примета.

Его свершил зловещею порой

Не бог, не царь – лирический герой

Великого российского поэта.

Безжалостны погубленные птицы,

Пернатым покровительствует Рок...

Ужель не вспомнил ты, взведя курок,

О скорбных ликах дедовской божницы?

...Раздроблены цветные стекла окон,

Распилены стволы столетних лип,

Изрублен шкаф, сожжен дагерротип,
Растоптан медальон, растерзан локон.

О медальонах, локонах и шкапах,
О тихом царстве милых сердцу благ –
Забудь!.. Во мраке твой косматый Враг
Восстал и зашагал на задних лапах.

И близился, гася громадным телом
Созвездия беспомощных небес.
Он шел в ночи. Он шел наперерез
Всему, чем был ты жив на свете белом.

Извечный враг поэтов и поместий,
Он звал меньших собратий без числа
В ковчег под предводительством осла,
В глухое братство бессловесных бестий.

И распухала дьяволова завязь,
И вызревала в окаянный плод;
И ликовал неумолимый сброд,
В грядущее восторженно уставясь.

А обреченный уповал на жалость,
А сонный мир глядел издалека...
И возносилась тяжкая рука,

И лезвеё со свистом низвергалось.

И зарыдала над землею вьюга,
И хохот сытый к небу полетел:
Зверям хватало человеческих тел,
И не спешили звери жрать друг друга.

И водворилось царство черной мессы
На тысячу безблагодатных лет.
И за море бежал седой поэт,
А по пятам преследовали бесы.

Зверь одолел. Ему гремит осанна.
Смиранный крест в чужую землю врос...
Ты мстителен, английский альбатрос –
Но милостивей русского сапсана.
9–11 марта 1989

Бесы

Сон разума порождает чудовищ.
О, славный век! О, век несметных монстров!
Не ты ли, род людской, тому пример?
О да, земля – игралище химер,
На трех китах покоящийся остров...

И мы седлаем острый конский остов,

И наш ночной грохочущий карьер
Корежит упырей во тьме пещер
И вихрит прах растерзанных погостов.

Мы властвуем от края и до края!
Исчадья инквизиторского рая
Вотще ярятся: нас развеять разве?

Мы черепа высасываем разом,
Мы скалимся на съезжившийся разум
И славим век, подобный черной язве.
1984. 2003

Метаморфозы

Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?
Георгий Иванов
Бессильны мифы, и безвластны книги,
Бесцелен вопль, и безнадежен стон!
Лети, лети на тройке, Фэтон –
Она покорней греческой квадриги.

Стремлению светил наперерез –
Лети, испепеляя в буйстве юном;
Лети! Уже карающим перуном
Не разразит низверженный Зевес!

Безумья пламень льет с небес возница,
Скормив коням охапку белены.
Зачислена в орудия войны
Отныне семиствольная цевница;

Усеяны шипами струны лир,
Поют они высоковольтным током...
И Полифем, блистая сытым оком,
Из хитреца вытапливает жир.

Немейский лев грызет Геракла с хрустом,
Разит Эрота Фебова стрела;
Киприда же, в чем пена родила,
На хитром ложе любитя с Прокрустом.

В изгнании великий умер Пан,
Сиринга мчит, преследуема быдлом;
Полны конюшни Авгия – повидлом,
И трезвенник Силен от жажды пьян.

И свой же лик Нарциссу ненавистен,
И мучит уши пение сирен;
И Хронос, похотливый старый хрен,
Срывает лифчики с кричащих Истин...

Троянский конь – могучий коренник,
А пристяжные – Хризаор с Пегасом.
Вопи, Орфей, в пустыне скорбным гласом! –
Все мчится птица-тройка напрямик:

Несется, вдаль безудержно стремясь,
И сеет за собой метаморфозы.
Как хороши, как свежи были розы,
Моей страну брошенные в грязь!

На помраченный век пенять Судьбе –
Негоже: ты – посланник, хоть и пленник.
Но все же, дорогой мой современник –
Ужель и правда весело тебе?

17 августа 1990

После битвы

Гей вы! слушайте, вольные волки..!

Валерий Брюсов

На скатерти снегов – огрызки тел.
Сначала – левый глаз, а после – правый, –
И сытый ворон медленно взлетел,
Запасливо неся кусок кровавый.

Седок примерз к убитому коню,
И волчье солнце встало над равниной.

В нехитром списке волчьего меню
Сей ночью – человечина с кониной...

Нагих и мертвых вьюги замели;
Орда ушла, укутана в тулупы.
Кочевник, хищный гость чужой земли,
Не прибирает вражеские трупы.

И гимном вольной жизни кочевой
Вороний грай звучит, – и волчий вой.
1986. 2006

От – и до

От варяга – до опричника,
От святого – до язычника,
От единого – до розного,
И от Мудрого – до Грозного.

От блаженного Василия –
До босяцкого насилия,
От высот – до дна до самого,
От Яфетова – до Хамова...

А от чистого – да в сторону,
А от голубя – да к ворону:
Гонит рок лихую братию

От пророчества – к проклятию.

Коль от грабелек – до сабельки, –
Так от морюшка – до капельки:
От растерзанного барина –
До симбирского татарина,

От царевы – до Емелино,
От дозволено – до велено;
От убранства – до убожества,
От любви – до скотоложества,

От позора – до побоища,
От побоища – до гноища...
В саду ягода смородина!
От и до вкусила Родина:

От свободного парения –
До свободного падения.

8 октября 1992

* * *

На челе его горит...

А. К. Толстой

И не помнил Бога, и не ведал страха

Снявший с Государя шапку Мономаха.
Мчатся год за годом, и за горем горе...
И все легче шапка.
И горит на воре.
9 сентября 2007

* * *

Памяти моего прадеда, генерал-майора Григория Степановича Шувалова, расстрелянного большевиками в Крыму

России нет – она себя сожгла...

Максимилиан Волошин

Оплачь ее. России нет в помине.

И пахари мертвы, и палачи,

Заржавели орала и мечи,

И тать угрюмый крадется в ночи

На голос вопиющего в пустыне.

Угас огонь. И тает струйка дыма.

Все истребил Кашеевский разбой.

Убийцы спят бесчувственной гурьбой,

И плещет море крови голубой,

Баюкая счастливый берег Крыма...

Скончалось царство бешеного волка –
Смердящего настанет царство пса!

Не ждите чуда, девица-краса:
Молчат вокруг столетние леса,
И в стоге сена спряталась иголка.
13 февраля 1993

ФОТОСНИМОК

Голодный – тих, бездомный – робок...
Задворки каменных коробок.
Забыв вражды старинный зуд,
Собака с кошкою бок о бок
Кусок отысканный грызут.

Зверь, притерпевшийся к нужде,
Отверг звериные скрижали.
Одной бедою вас прижали –
И, словно при лесном пожаре,
Вы позабыли о вражде.
1986

Синий троллейбус

Геннадью Зельдовичу

Твои пассажиры – матросы твои...
Булат Окуджава
Задняя дверь отнялась у троллейбуса.
Выйти – что выдать решение ребуса!

Публика зычно взывает к водителю,
Будто ребенок капризный к родителю.

Здесь поголовно становятся ловкими,
Крепкими – между двумя остановками.

Публика рвется сквозь крики и прения,
Публика борется с силою трения,

Публика смята, зажата, раздавлена;
Здесь торжествует учение Дарвина.

Двери берутся младыми и старыми,
Словно ворота Рязани татарами:

Людам не терпится выбраться первыми,
А не за разными прочими стервами.

В синем троллейбусе душно от ругани,
В синем троллейбусе дети испуганы,

В синем троллейбусе – давка и паника.
В синем троллейбусе – гибель «Титаника».

21 января 1985

До – и после

I.

Налагали вериги,
Объявляли устав,
И порочили книги
Не листав, не листав...

Если власть-недотрогу
Огорчишь невзначай,
Если ступишь не в ногу –
Отвечай, отвечай,

Раскрывая не шире,
Чем положено, рот!
Но машинка четыре
Экземпляра берет.

И запретная Муза,
Неизменно бела,
В черном чреве Союза,
Как Иона, жила...

А служители Феба,
Как во все времена,
Много просят ли? Хлеба,
Табаку, да вина –

Пусть маячит упрямо
И в морозы, и в зной
Тень ревнивого Хама
Над ленивой страной –

В переплетные глянца
Не стремятся они,
И, как древле спартанцы,
Могут биться в тени.

II.

Стали падшею кастой
Нагонявшие страх,
И в кремлевской, в зубастой
Заворочался прах.

На верху пьедестала –
Пустота, пустота,
И не стало, не стало
Живоглота-кита.

И разверзлась утроба,
И выходим на свет,
Как из черного гроба...
Только берега – нет.

Молкнут ритмы отныне:

Ничего впереди!
На бездонной равнине –
Даже эха не жди!

Но – быть может, не сразу, –
Все же выплывем, хоть
Источает заразу
Кашалотова плоть:

Разлагается туша,
Раздувая бока...
А желанная суша –
Далека, далека...

Вспомни давнее чувство –
И бестрепетно стой:
Для искусства искусство –
Звук отнюдь не пустой.

Пой спокойно и смело
На останках тюрьмы.
Это славное дело –
Труд во время чумы.
12 октября 1992. 2 июля 2001

Жалоба элина

Александрия, IV в.

Как тяжело умирают города!
Как безнадежно исчезают страны!
Их затопляют пламенем вулканы,
Их погребает мощная вода.

Их сокрушает ярая орда,
Их удушают хищные тираны;
Где боги были – встали истуканы,
И все пути уходят в никуда.

И Аполлона позабыла высь,
И в храме воеет волк и рыщет рысь,
И Мелеагра не страшатся вепри;

И неизбывна череда скорбей!
И катит, катит шарик скарабей,
Не зная, что подобен богу Хепри...

1 августа 1989

* * *

Тускнеют угли...

Фет

Ни уголька, ни уголка,
Ни стебелька, ни мотылька,

Ни всплеска крылышек на маке...

Не вспоминай. Не сожалей.

Ни гаваней, ни кораблей,
Ни Пенелопы на Итаке,
Ни плача подле Царских Врат.

Ни медных лиц, ни медных лат...
Ни царь, ни раб, ни зол, ни рад –
Ни слог не изберешь, ни тему.

Неужто дальше – тишина?

Ни аргonavтов, ни руна,
Ни винограда, ни вина,
Ни древка в око Полифему.

Гекзаметр мертв, хорей охрип –
Ни гордый стих, ни горький всхлип;
Ни лицеиста, ни Лицея...

Не постигаю. Не могу.

Прими пловца на берегу,
Змеиноглазая Цирцея!

О нет, не принимай, отринь,
Отыди прочь и сгинь. Аминь!

Я вижу: выбор был худым.
Я вижу путеводный дым
Отечества! Цирцея, впредь мы
С тобою – врозь! Я – недруг ведьмы,
И враг несмысленных свиней.

А дым клубится все черней...
Спеши, воспрянувший пловец,
Поскольку дым речет: конец
Настал Содому и Гоморре!

Спеши! Теперь Улисса ждут
И стольный град, и вольный люд,
И девушка в церковном хоре.
25 сентября 1989. Москва.
2 мая–2 июня 2001. Харьков

Жалоба римлянина

Имперские поруганы останки,
Былого блеска некому сберечь...
На стогнах – готы, а в чертогах – франки.
Все как один корежат нашу речь.

Несмысленным извергнутые лаем,
Витают полужудые слова,
А мы понять отчаянно желаем,
И сдерживаем гнев едва-едва.

Воинственны, безжалостны и тупы,
Вандалы пьют ячменную бурду,
Латинских слов изглоданные трупы
Выхаркивая в яростном бреду.

И тонут падежи в безумье пьяном,
Спряженья гибнут под нестройный гул...
И, как под слоем лавы Геркуланум,
Под слоем пыли кроется Катулл.

Но снидет новый век. И будет Хлодвиг,
И будет песнь, звенящая, как сталь,
И Нибелунги выступят на подвиг,
И двинется Роланд на Ронсеваль.

Заискрятся изысканные вина,
Заплачет лира в варварской руке...
И зазвучит *Commedia Divina*
На нашем искаженном языке.

8 октября 1992

Факсимиле

...Θ. Тютчевъ; И. Анненскій...

Как азбуку в расход ни выводи –

Она восстанет буквою литою.

Вот – имя: улыбается фитою,

Иль салютует точкою над і.

Наш век смахнул, что крошки со стола,

Наследие отвергнутого класса,

И позабыла литерная касса,

Где ижица прописана была.

Век вытирал бывшее так и сяк...

Но имена заветные – не вытер!

В них – вечная печать почтенных литер,

В них на исконном месте твердый знак, –

Которому дозволено сиять

Нетленным знаком творчества «на ять».

21 марта 1986

* * *

А жизнь всего одна минута.

Александр Межиров

Рассудку вопреки минута длится –
Нам чужды нравы, чужды времена...
Искусство – обнищавшая страна,
Поэзия – померкшая столица...

И все же воздвигай чертоги строф!
Пусть известь рифм язык скрепляет отчий.
Будь – мысль и труд. Будь зодчий и рабочий,
Чтоб том стихов блистал, как Петергоф.

Наука вдохновения хитра.
Столь долгод труд – и сколь же тонок томик:
Не царственный дворец, а скромный домик.
Но пусть он будет Домиком Петра!

Твори, поэт, не требуя венца!
Уже разливом угрожает Лета...
Дерзай! За пол-минуты до конца
Света.

1986. 28 марта 2006

Поэты

Молниеносным выпадом грозя,
Ступает пешка – и она побита:
Создательницу славного гамбита
Нещадно губит краткая стезя.

Иною пешкой riskовать нельзя,
И ей надежная нужна защита:
Из нежной пены встала Афродита –
Из хрупкой пешки вознесут ферзя...

Ну что ж, гори, гори, моя звезда!..
Ведомые неведомо куда,
Мы веруем, что путь нам рассчитали.

Мы – словно пешки: мы не ходим вспять.
Нам велено: играть, а не стоять! –
И на заветной пасть горизонтали...

1989. 2005

* * *

...И не мстила. А просто простила –
И простилась. Проси, не проси –
До угла проводить не пустила,
Укатила в настигшем такси.

Я вернусь в опустелые стены.
Тишина и табачная мгла...
Простереться в пустыне постели?
Мерить ночь от угла до угла?

Разодрать непослушные шторы,
Задержать ускользящий луч?

Nevermore...

Замыкаю запоры

И ломаю

Невынутый

Ключ.

1986

Сосульки

Мы молодой весны гонцы...

Тютчев

Сосульки резво прыгают с карнизов,
Бросая нам весенний звонкий вызов;

Срываются в восторженное сальто
Над островками первого асфальта.

Они свисали, сонны и неловки,
Холодные стеклянные морковки...

И – ухнули!

И – цокнули!

И – разом

Явились глазу колотым алмазом!

На тротуарах искристы и колки

Недвижной жизни славные осколки...

Не страшно пропадать в ударе хлестком,

Коль вешний мир признал тебя по блесткам,
А зимний сон растаял за плечами...
Пусть земля умоется ручьями!
С беспечным плеском и задорным бульком
Нестись по ней отчаянным сосулькам.

1986

* * *

Друг друга отражают зеркала...

Георгий Иванов

Пылай, огонь, пылай... Кого привлек?
И что возникнет пред упрямым взором?
Быть может, заповедным коридором
Летит потусторонний мотылек?

Кто близится? Его ли ты искал?
Ужель ошибся кругом или слоюм –
И нетопырь, взбешенный адским зноом,
Метнется между спаренных зеркал?

Эфирные вращаются шары –
И чутко внемлешь их разноголосью,
Восставленный перед волшебной осью,
Пронзающей незримые миры.

Хранящая подьѐмлетя ладонь,
Беду отводит, не дает в обиду, –
И шлет голубокрылую сильфиду,
Которую не опалит огонь.

Друг друга отражают зеркала,
Строка стремится в анфилады света,
И Муза опекает мысль поэта,
Пока свеча не догорит дотла.
15 августа 1990

* * *

...в романтическом Летнем Саду...

Георгий Иванов

Вы, позабытые темным веком,
Вы, истребленные хищным сбродом, –
Вы поневоле писали млеком,
Ибо строка не струилась медом.

Время согреет листок бумаги,
Время склонится пред строчкой бурой...
Вымрут в отечестве антропофаги,
Публика вечной не будет дурой.

Время откроет заветный ящик,

И восхитится изящным слогом;
Рифмы безвестных и настоящих
Будут чисты пред дельфийским богом.

Время напьется из вашей чаши,
Что наполнялась вотще доселе,
И в хрестоматиях строфы ваши
Встанут в назначенном им разделе.

Время загладит вину былую,
Время шагнет сквозь потемки к свету;
Время хулою воздаст холую,
Время хвалою воздаст поэту.

Время разыщет того, кто мучил,
И не забудет того, кто выдал,
И на горящей соломе чучел
Плавиться ляжет чугунный идол.

И разольется над Летним Садам
Свет – и пойдет на свиданье к Музам
Смуглый малыш, семенящий рядом
С дядькой убогим, седым французом.

24 сентября 1989. Москва

Сонет

И в наши дни пленяет он поэта...

Пушкин

Гекзаметра священные напевы,
Протяжный строй классических баллад,
Терцин чеканных неразрывный лад –
Вы, звонкие, изысканные – где вы?

Возвышенной словесности посевы,
Как быстро вас незримый выбил град!
Теперь беспечный стих не ждет наград
От нежной недоступной королевы.

Как вольный грех, беспечен вольный стих;
О где вы – Ад, Чистилище и Рай?
Благою рифму пожирает Лета...

Но жив сонет, свидетель дней иных!
Чекань его, поэт, не презирай:
Суровый Дант не презирал сонета.

5 июля 1989

* * *

Семена слова
Дай вызреть в душе.
Строки выращивай –

Букву за буквой...

Долго ли –

Вымахать

Чаще бамбуковой?

Трудно

Растет

Драгоценный женьшень.

1983

Дар бессмертный

Из древней тьмы, на мировом погосте

Звучат лишь Письмена.

Ив. Бунин

Остатки брошки и фрагменты пряжки,

Обломки статуй и осколки ваз...

Из древней тьмы твердили столько раз:

Предметы хрупки, а столетья тяжки.

Лишь письмена! И раб не знал поблажки,

Без устали врезая в диабаз

Священный стих иль царственный указ,

И смерть была рабу ценой промашки.

Лишь письмена! Бормочет диск из Феста,

Глаголет новгородская береста,

Вещает Бехистунская скала...

Лишь слово! Диск на критском, лист на русском...
Египтянам поклон, привет этрускам –
И вам, о современники, хвала!
9 октября 1989

Метеор

Негромкая, безвестная строка!
Ты – нежная молекула белка,
Летающая в заледенелом камне...
Ты, хрупкая, дарована была мне
Не знаю как... Ты – смысл дороги давней
Сквозь черные бездонные века.

Я одинок. Я холоден и глянец.
Я уязвим среди палящих танцев
Сверхновых солнц... Но я – судьба, и связь;
Я – древнего Творенья ипостась,
И я прорвусь сквозь ад протуберанцев,
Со звездным притяжением борясь.

Пронзаю мрак немислимою верой,
Что впереди возникнет контур серый...
Вселенная взывает: долети!
А Вечность – ухмыляется химерой...
...

Я верую! –
В планету на пути.
Заветную.
С водой и атмосферой.
28 февраля 1986

Сфинксы

Евг. Витковскому

Какая тайна вам окаменила
Жестоких уст смеющийся извив?..

Вяч. Иванов

О сфинксы! Полу-люди, полу-львы.
Гармония гармоний: мысль и сила...
Вы грезите янтарным полднем Нила
Над оловянной лентой Невы.

Иные вам завещаны века,
Иные берега, иные храмы.
Не снизошли до бледной панорамы
Четыре немигающих зрачка.

Вы раз и навсегда отрешены
От чуждой суеты земного круга.
Два древних взгляда, вросшие друг в друга,
Две темных тайны пламенной страны.

Вы знали процветанье Сына Ра,
И гикса сокрушительные марши.
Одно лишь небо сумрачней и старше
Здесь, в акварельном городе Петра...

Змея вползла в забытый храм Изиды.
На Та-Кемет нахлынули пески.
Века дворец разъяли на куски,
И воры вскрыли чрево пирамиды.

Империи дробились, будто стекла,
И плач великий был, и смертный хрип...
Но сфинкса победил один Эдип,
И то – лишь по свидетельству Софокла.

Вы – тридцать пять веков седой пустыни,
Испепелившей Грецию и Рим.
Но промысел богов необорим –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.